

## «ЗАКОЛДОВАННЫЙ САД С ТАЙНАМИ ЗА КАЖДЫМ КУСТОМ»: методологические поиски А.Дж. Тойнби

О.В. Воробьева

**Аннотация.** В статье исследуется «методологическая одиссея» А.Дж. Тойнби. В ее основу положена проблема объективности vs относительности исторического познания и сопутствующим ей особенностям работы историка. Последовательный анализ томов «Постижения истории» и поздних работ Тойнби позволяет автору показать внутреннюю когерентность трудов британского историка, несмотря на обширную критику его творчества как противоречивого и даже ненаучного. Эта когерентность обеспечивается как рекурентностью тойнбианской проблематики, так и переигрыванием одних и тех же смыслов в новых отношениях. Изначально сильные сциентистские ориентации историка со временем уступает свои ведущие позиции «мерцанию относительности» на заднем плане любого исторического исследования. Тем не менее сциентистская ориентация не исчезает совсем, а находит свое место в более сложной трактовке работы историка. Историк, согласно Тойнби, занимается не только выявлением паттернов и закономерностей в истории как части природного Универсума, но и изучением той драмы, которая разворачивается в истории благодаря свободе, интеллекту и воле людей, действия которых до конца не поддаются схватыванию при помощи эмпирики и средств логического анализа. В результате позиция историка, до этого над-персональная с точки зрения человеческой субъективности, оказывается одной из самых интригующих и востребованных. Историк — это не обезличенный наблюдатель и фиксатор прошлого, а безусловный и ответственный его сопричастник.

**Ключевые слова:** А.Дж. Тойнби, «Постижение истории», методология истории, относительность исторического познания, философия истории.

**Для цитирования:** Воробьева О.В. «Заколдованный сад с тайнами за каждым кустом»: методологические поиски А.Дж. Тойнби // Преподаватель XXI век. 2023. № 4. Часть 2. С. 300–308. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-4-300-308

© Воробьева О.В., 2023



Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License  
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

## “ENCHANTED GARDEN WITH MYSTERIES BEHIND EVERY BUSH”:

## A.J. Toynbee's Methodological Searches

O.V. Vorobieva

**Abstract.** *The article examines A.J. Toynbee's "methodological odyssey". It is based on the problem of objectivity vs relativity of historical cognition and the related specific features of the historian's work. The author's consistent analysis of the volumes of "A Study of History" and Toynbee's later works reveals the internal coherence of works of the british historian, despite the extensive criticism of his work as contradictory and even unscientific. This coherence is ensured both by the recurrence of Toynbee's problematic and by the replaying of the same meanings in new respects. The historian's initially strong scientist orientations eventually cede their leading position to the "flicker of relativity" in the background of any historical study. Nevertheless, the scientist orientation does not disappear altogether, but finds its place in a more complex interpretation of the historian's work. The historian, according to Toynbee, is concerned not only with identifying patterns and regularities in history as part of the natural universe, but also with studying the drama that unfolds in history through the freedom, intellect, and will of human beings, the operation of which cannot be fully grasped by empiricism and the means of logical analysis. As a result, the position of the historian, hitherto supra-personal in terms of the human subjectivity, turns out to be one of the most intriguing and sought-after. The historian is not an impersonal observer and recorder of the past, but an unconditional and responsible participant in it.*

**Keywords:** *A.J. Toynbee, "A Study of History", methodology of history, relativity of historical cognition, philosophy of history.*

**Cite as:** Vorobieva O.V. "Enchanted Garden With Mysteries Behind Every Bush": A.J. Toynbee's Methodological Searches. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2023, No. 4, part 2, pp. 300–308. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-4-300-308

301

В 2017 г. в Фонде имени А. Тойнби состоялась лекция Юргена Остерхаммеля «Арнольд Тойнби и проблемы сегодняшнего дня» [1]. В ней автор задается вопросом, с одной стороны, о причинах постоянной востребованности Тойнби, несмотря на острейшую критику, сопровождавшую Тойнби на протяжении всей его жизни, с другой стороны — о причинах этой критики. Называя Тойнби «далеким и странным», явно не из тех исследователей, кого можно отнести к «историкам историка», он тем не менее признает его уникальный статус в историографии XX

века и «загадочное притяжение» его творчества. Пытаясь разрешить это противоречие, по ходу своей лекции Остерхаммель замечает, что «большое количество канонических тем» тойнбианского «Постижения истории» все еще «остаются неразгаданными», а сама книга представляет своего рода «заколдованный сад с тайнами за каждым кустом» [Ibidem].

С последним утверждением Остерхаммеля вполне можно согласиться. Прежде всего, потому, что большинство читателей и критиков Тойнби составляли мнение о его творчестве не по фундаментальному

12-томному «Постижению истории», а по краткому 2-томному англоязычному дайджесту, составленному доктором Соммервелом [2], или по еще более краткому однотомнику, вышедшему на русском языке в России [3]. Замена живой мысли — со свойственными Тойнби яркими озарениями и постоянными исканиями, сопровождавшимися в том числе пересмотром того, что было написано ранее, — сухой схемой в результате и превратили его творчество в тот самый «заколдованный сад», о котором пишет Остерхаммель. Иногда он и вовсе не дает ясного ответа, потому что не может пока сформулировать в научных терминах то, что схватывается пока лишь метафорами и мифологемами. Это постоянное изменение невозможно описать в терминах развития, ибо Тойнби не только привносит новые акценты и темы, но и на протяжении всего творчества периодически обращается (возвращается) к прежним, прирастающим новыми образами и гранями. Скорее мы имеем дело с бесконечным варьированием, поиском, открыванием и преодолением через каждое событие или явление, встречающееся на его пути. Тойнби и сам признавался, как тяжело для него оказалось пронести определенный набор тем и сюжетов через всю книгу [4, X, р. 242]. Тем интереснее для читателя оказываются прогулки по этому «саду» и «расколдовывание» тайн одного из самых интересных мыслителей XX века. В этой небольшой статье я остановлюсь лишь на некоторых аспектах «методологической одиссеи» британского историка, связанных с проблемой относительности исторического знания и сопутствующими ей вопросами.

\*\*\*

С высказываниями Тойнби об относительности исторического знания читатель сталкивается буквально на первых стра-

ницах его монументального труда. Тойнби отмечает, что в любое время и в любом обществе написание истории находится под влиянием тех обстоятельств и идей, в которые оказывается погружен историк [3, с. 14]. Для XX века таковыми стали индустриальное общество с сопутствующей ему идеей национализма. Первое привело к приоритету естественнонаучного знания над гуманитарным с неизбежным переносом способов анализа природы в сферу человеческих отношений, второе — к ограничению поля исторического исследования рамками национальных государств в ущерб глобальному видению истории, позволяющему охватить и понять целостность жизни [там же, с. 9, 10]. Однако далее при попытке ответить на вопрос, возможно ли в таком случае существование «объективного» поля исторического исследования, или «мерцание относительности» является неизбежным спутником любого гуманитария, Тойнби не только не дает внятного ответа, но и приводит прямо противоположное суждение. Согласно ему, «мерцание относительности», возможно, является первым шагом к фиксации устойчивого и абсолютного объекта на заднем плане исторической мысли. А потому «следующим шагом является исследование возможности существования умпостигаемого поля исторического исследования, независимого от особенностей восприятия, обусловленных местом и временем» [там же, с. 21]. Налицо явное противоречие, которое и рискует остаться таковым, если, во-первых, не понимать, что под «абсолютным объектом» Тойнби, имеет в виду такой, который превосходит национальные рамки, и во-вторых, не принимать во внимание ту глубокую трансформацию, которая произошла с историком в процессе написания его главного труда.

В пользу сказанного свидетельствует последовательный анализ всех томов «Постижения истории». Так, например, в первых томах Тойнби заявляет о необходимости преодоления национально-ориентированного взгляда на историю панорамным «звездным» взглядом (I, 160)<sup>1</sup>, отмечая, что попытка трактовать историю из любой другой точки ведет к неизбежным искажениям. Поэтому адекватным «интеллектуально гибельным» полем исследования (по крайней мере, для первых шести томов) для него становятся цивилизации, а не нации (I, 51). Цивилизации не исчезнут и далее, однако в последних шести томах превратятся в «куколки» для высших религий, позволяющих еще глубже проникнуть в постижение жизни. Замена цивилизации на высшие религии в качестве основного объекта исследования не была случайной. Мне уже приходилось писать о серьезной внутренней драме британского историка, связанного с целым пучком провоцирующих ее обстоятельств как личного, так и общественного плана [5; 6]. Эта драма привела к глубокому мировоззренческому кризису, сопровождающемуся усилением религиозных интенций в творчестве Тойнби и закончившемуся качественным методологическим сдвигом в ментальном поле британского историка. Тем не менее отстаивание необходимости глобального взгляда на историю, предполагающего преодоление ограниченности восприятия, обусловленного национальными рамками, останется основополагающим элементом его концепции истории.

Однако это только одна сторона вопроса. Ее другой стороной является усиление представлений об относительности исторического познания под влиянием тех же обстоятельств. Так, в первых томах «Постижения истории» Тойнби делает боль-

шой реверанс в сторону необходимости «объективности» и беспристрастности историка. Он неоднократно подчеркивает, что «мелькание относительности» можно попытаться частично преодолеть «хорошо проверенным научным методом», под которым понимает эмпирический метод, противопоставленный априори ненаучным и трансцендентальным (I, 426). «Наш метод эмпирический; и не существует никакой причины для того, чтобы обращаться к априорному» (I, 146). И далее в третьем томе: «я отказываюсь от немецкой трансцендентности Шпенглера в пользу английского эмпиризма (III, 382).

Это не означает, что «мерцание относительности», о котором говорилось выше, в первых томах отсутствует. В частности, одним из устойчивых образов первых томов как раз является образ исследователя-проводника, который сопровождает читателя на пути постижения истории. Точка зрения наблюдателя, пишет по этому поводу Тойнби, в данном случае ограничена его позицией и открывающейся взгляду сценой, на которой «разные члены группы оказываются в соответствующих позах и положениях» (I, 193, 196). В другом месте Тойнби сравнивает процесс познания с использованием билетов, при помощи которых историк, как в театре, попадает в некоторое помещение, открывающее его взору определенную панораму. В результате, пишет он, «мы получаем не добычу, за которой охотимся», а оказываемся, согласно нашему «билету», во вновь открытой стране (I, 270).

Однако, несмотря на эти утверждения, сциентистские тенденции первых томов довольно сильны. Двадцать одна вычлененная им цивилизации видятся ему философски эквивалентными и потому сопоставимыми при помощи эмпирического

<sup>1</sup> Здесь и далее я буду опираться на английское издание «Постижения история» (тт. I–X), потому что в русскоязычном однотомнике эти рассуждения зачастую опущены. Томы и страницы приводятся в скобках.

и компаративного научных методов. Точно так же как ритмы и паттерны цивилизаций — не просто интеллектуальными построениями историка, но такими построениями, которые не оторваны от реальности, а являются проявлением надперсональной природы Универсума.

Ситуация начинает меняться с V тома, в котором Тойнби заявляет о том, что интеллигибельным полем исследования должны быть вовсе не отдельные цивилизации, а высшие религии («Мы находим, что наше новое поле расширяется в другое, духовное измерение (V, 376)), а также начинает убеждать своего читателя в том, что попытка сконструировать 21 цивилизацию является *столь же эмпирической, сколь и субъективной* (V, 373). В 6 томе он сравнивает работу историка с плаванием на корабле, задающем как «остов» исторических знаний, так и его горизонты (VI, 313). И подчеркивает, что ни сами факты, ни заготовленные заранее исследовательские средства не могут гарантировать получение эмпирически проверяемого обзора. Не только потому, что не существует универсальных средств, которые можно заготовить заранее, но и потому, что помимо фактов историку нужно что-то еще. В исследовательский процесс вторгается элемент неопределенности – и по ходу исследования, и в виде знания, которое предшествует фактам и оказывается очень полезным для основной цели исторического исследования — поиска глубинных значений истории (VIII, 116). А значение истории не постигается исключительно эмпирическим путем — *в этом процессе должны участвовать и голова, и сердце*, и потому напряжение между ними — не менее важная часть работы историка (VII, 506). Тогда же в «Постижении истории» появляется еще один образ, явно находящийся в переключке с предшествующими

образами историка-проводника, корабля и билетов. «Все эти классификации, анализы и разборы были ключами, которые оказывались полезными насколько, насколько позволяли открыть какие-то двери. Некоторые из них, в том случае если дверь действительно открывалась, являлись подлинными; другие оказывались приспособленными для открытия более чем одной двери. Но вряд ли существует главная отмычка, которая может открыть все двери, делая предыдущие ключи излишними. Находчивый исследователь все время будет двигаться вперед, съедаемый любопытством в отношении “тайнства истории” <...> И когда он в своем интеллектуальном приключении будет подходить к новой двери, сначала он будет искать, не подойдет ли какой-либо из существующих ключей в связке. Но если такового не окажется, он не будет пробовать взломать дверь или в отчаянье откладывать ее открытие на будущее, а будет искать новый ключ экспериментальным путем» (VIII, 673).

В данном пассаже значение имеет не только факт признания относительности исторического познания, но и значимость экспериментального способа познания истории. Другими словами, появление «сердца» как элемента познания все же не нивелирует «голову», причем голову, работающую, в том числе, эмпирическим путем. И именно последний путь Тойнби приравнивал к научному способу познания действительности, особенно в первых томах «Постижения истории» (I, 246,302; II, 101; IV, 126). В последних томах на место эмпирики как важнейшего показателя научности придут законы, формулирование которых британский историк будет считать важнейшей задачей историка (IX, 186, 208). Но тогда как соединить эти две позиции — относительность и законотворчество историка?

В «Постижении историка» Тойнби не дает окончательного ответа на этот вопрос. Несмотря на усиление религиозных интенций в его творчестве, а также сильное влияние Анри Бергсона с его пониманием жизни как феномена, не полностью поддающегося схватыванию методами научного анализа, Тойнби все же стремился остаться на научной почве, в том числе на позициях исторической науки, а не философии. Отсюда многочисленные пассажи, касающиеся значимости эмпирической работы и выявления законов истории. Но одновременно с этим Тойнби полагает, что «ни одно собрание фактов никогда не является полным» [3, с. 41], и при попытке их упорядочить «наступает черед синтеза и интерпретации» [там же]. Получаемый при этом результат не выводится напрямую из тех же самых фактов: при переходе от эмпирики к обобщениям присутствует элемент неконвертируемости, который включает в себя субъективность и даже вымысел (I, 451, 459). И по мере того как компаративное исследование цивилизаций уступало у Тойнби место высшим религиям и поиску смысла и значения истории в целом, роль спекулятивного элемента в его творчестве только возрастала.

Более выверенную позицию мы находим только в поздних произведениях Тойнби, которые можно считать уже зрелой рефлексией «Постижения история» и одновременно ответами на критику его оппонентов. Прежде всего, он отмечает, что написанная им книгу — вовсе не претензия на абсолютную и нейтральную позицию [7, р. 16; 8, р. 4], а всего лишь один из вариантов истории, написанной с позиции его собственных знаний и опыта. «И конечно, другие люди могут предпринять свою попытку это сделать. Каждый из новых взглядов создаст собственную картину, показанную в новой перспективе. <...>

И по мере того как другие люди будут пытаться осуществить это интеллектуальное предприятие, первые попытки (в том числе моя собственная) <...> окажутся переосмысленными и скорректированными» [9, р. 16–17]. По этой же причине не существует правильных или неправильных подходов — каждый из них социально, культурно и интеллектуально обусловлен и является не более чем интеллигентской конструкцией, познавательным ходом, при помощи которых уменьшается неопределенность и увеличивается полнота жизни [7, р. 2]. Неизбежные относительность и субъективность — это часть той цены, которую историк платит за то, что остается человеком (а не богом) [10, р. 4]. Важно, что при этом Тойнби не впадает ни в полный солипсизм, поскольку не считает интеллектуальную работу продуктом сознания, оторванного от реальности; ни в абсолютный субъективизм — и потому что сами ограничения являются над-индивидуальными, и вследствие того, что в итоге коллективно принимаемых усилий складывается некая общая картина мира, которая, в свою очередь, способна изменять и расширять видение каждого и продуцировать объективный на тот момент ответ на задачу ориентации в загадочном универсуме. В этой ситуации лучшее, что может сделать историк, — превратить собственные (и чужие) предубеждения и обусловленности в предмет профессиональной рефлексии [7, р. 2]. «Мы просто должны осознать наши ограничения и тем самым уменьшить их» [11, р. 2].

Каждый историк, с точки зрения Тойнби, сталкивается с двумя альтернативными путями познания, часто называемыми им «безднами». Первый предполагает признание паттернов и закономерностей в истории продуктами природы Универсума, соответственно, задачей историка

становится их «объективное» познание через выявление [10, р. 10]. Второй признает историю драмой, разыгрываемой самими людьми и потому предполагающей значительный элемент субъективности и относительности [Ibid, р. 13]. На первый взгляд может показаться, что самому Тойнби ближе первый подход, ведь наличие элементов рекуррентности в истории — очень важная часть мировоззренческой позиции А. Тойнби, на нем строится вся его цивилизационная компаративистика. «Мы все время думаем паттернами, и мы должны помнить, что мы думаем паттернами, когда спрашиваем о чем-то, в том числе о том, что думаем паттернами» [12, р. 7]. И эти паттерны мысли не являются вымышленным, а *корреспондируют с чем-то в реальности* [Ibidem].

Однако, продолжает свои размышления Тойнби, будучи частью природы, мы остаемся людьми, наделенными свободой, интеллектом и волей. Мы думаем, выбираем и потому являемся частично независимыми от законов природы. Эта граница между законами и свободой, вероятно, подвижна. «Это не означает, что человек полностью свободен, а при-

рода полностью несвободна. Человек частично свободен, и этот фронтير между человеческой свободой и несвободой лежит где-то внутри нас и немного колеблется. Именно потому так некомфортно быть человеком» [12, р. 14-15]. Сознание и воля всегда пытаются расширить поле своего действия [11, р. 3]. И эта их борьба делает недостаточной позицию извне — позицию наблюдателя / инспектора / рецензента, другими словами, социального ученого, — и заставляет историка стать проводником, т. е. войти внутрь истории и пережить ее как драму [Ibid, р. 2]. Следовательно, «когда я могу говорить при помощи интеллекта, я буду делать это, но когда я не могу, я буду открыто говорить об этом и использовать язык поэзии или мифа» [12, р. 17].

Так обе «бездны» — природная и человеческая — оказываются тесно переплетены в сознании Тойнби, и он не находит возможности отказаться ни от одной из них, создавая постоянное методологическое напряжение между разными способами видения истории, разными типами дискурса о ней и соответственно разными способами ее изучения.

### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Osterhammel, J.* The 2017 Toynbee Prize Lecture: “Arnold Toynbee and the Problems of Today”. January 6, 2017 Annual Convention of the American Historical Association. URL: <https://toynbeeprize.org/posts/the-2017-toynbee-prize-lecture-arnold-toynbee-and-the-problems-of-today-jurgen-osterhammel/> (дата обращения: 12.04.2022).
2. *Toynbee, A.J.* Study of History. Abridgment by D.C. Somervell. Т. 1–2. Oxford: Oxford University Press. Т. 1 (I–VI), 1947. Т. 2 (VII–X), 1957.
3. *Тойнби, А.Дж.* Постигание истории. М.: Прогресс, 1991.
4. *Toynbee, A.J.* Study of History. Т. I–X. L.: Oxford University Press, 1934–1954.
5. *Воробьева, О.В.* «Между прошлым и настоящим»: судьба и творчество А. Тойнби // История через личность: историческая биография сегодня. 2-ое изд. М.: Квадрига, 2010. С. 369–389.
6. *Воробьева, О.В.* Три возраста Арнольда Джозефа Тойнби (очерки интеллектуальной биографии) // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в новое время. М., 2014. С. 773–842.

7. *Toynbee, A.J. Some Great Minds' Approaches to History*, 1961. — Bodleian Library, Toynbee papers. Lectures, mainly transcript, given during tour of North and South America and Africa.
8. *Toynbee, A.J. The Limitations of Historical Knowledge // London Times Literary Supplement*. No. 2810, January 6, 1956.
9. *Toynbee, A.J. A Study of History: What am I Trying to Do? // International Affairs*. 1955. XXXI. P. 1–2.
10. *Toynbee, A.J. An Historian's Approach to Religion*. Oxford University Press. London, 1956.
11. *Toynbee, A.J. Philosophy of History*, 1961. — Bodleian Library, Toynbee papers. Lectures, mainly transcript, given during tour of North and South America and Africa.
12. *Toynbee, A.J. Uniqueness and Recurrence in History*, no date. — Bodleian Library, Toynbee papers. Copies of lectures, typescript and printed, 1955–1967.

#### REFERENCES

1. Osterhammel, J. *The 2017 Toynbee Prize Lecture: "Arnold Toynbee and the Problems of Today"*. January 6, 2017. Annual Convention of the American Historical Association. URL: <https://toynbeeprize.org/posts/the-2017-toynbee-prize-lecture-arnold-toynbee-and-the-problems-of-today-jurgen-osterhammel/> (дата обращения: 12.04.2022).
2. *Toynbee, A.J. A Study of History. Abridgment by D.C. Somervell*. Т. 1–2. Oxford: Oxford University Press. Т. 1 (I–VI), 1947. Т. 2 (VII–X), 1957.
3. *Toynbee, A.J. Postizhenie istorii [A Study of History]*. Moscow, Progress, 1991. (In Russ.)
4. *Toynbee, A.J. A Study of History*. Т. 1–12. Т. 10. L.: Oxford University Press, 1954.
5. Vorobieva, O.V. "Mezhdu proshlym i nastoyashchim": sudba i tvorchestvo A. Toynbee [Between the Past and the Present]: the Fate and Creativity of A. Toynbee // *Istoriya cherez lichnost: istoricheskaya biografiya segodnya* [History Through Personality: Historical Biography Today. Moscow, Kvadriga, 2010, pp. 369–389. (In Russ.)
6. Vorobieva, O.V. *Tri vozrasta Arnolda Dzhozefa Toynbee (oчерki intellektualnoj biografii [The Three Ages of Arnold Joseph Toynbee (Essays on Intellectual Biography) // Idei i lyudi: intellektualnaya kultura Evropy v novoe vremya* [Ideas and People: Intellectual Culture of Europe in the Modern Times]. Moscow, 2014, pp. 773–842. (In Russ.)
7. *Toynbee, A.J. Some Great Minds' Approaches to History*, 1961. — *Bodleian Library, Toynbee papers*. Lectures, mainly transcript, given during tour of North and South America and Africa.
8. *Toynbee, A.J. The Limitations of Historical Knowledge // London Times Literary Supplement*. No. 2810, January 6, 1956.
9. *Toynbee, A.J. A Study of History: What am I Trying to Do? // International Affairs*. 1955. XXXI. P. 1–2.
10. *Toynbee, A.J. An Historian's Approach to Religion*. Oxford University Press. London, 1956.
11. *Toynbee, A.J. Philosophy of History*, 1961. — *Bodleian Library, Toynbee papers*. Lectures, mainly transcript, given during tour of North and South America and Africa.
12. *Toynbee, A.J. Uniqueness and Recurrence in History*, no date. — *Bodleian Library, Toynbee papers*. Copies of lectures, typescript and printed, 1955–1967.



**Воробьева Ольга Владимировна**, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; доцент, кафедра теории и истории гуманитарного знания, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, vorobushek1@yandex.ru

**Olga V. Vorobieva**, PhD in History, Leading Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Department of Theory and History of Humanitarian Knowledge, Russian State University for the Humanities, Moscow, vorobushek1@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 15.09.2023. Принята к публикации 13.10.2023*

*The paper was submitted 15.09.2023. Accepted for publication 13.10.2023*